

ЕКАТЕРИНА
РОМЕРО

МОЙ
чужой
МУЖ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Ромеро

Мой чужой муж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67601091

SelfPub; 2023

Аннотация

Я осталась одна на улице с младенцем на руках по воле своего мужа. Боролась за выживание как могла, пока спустя годы снова не встретила его. Теперь он вынуждает меня согласиться на унижительное предложение ради дочери, которую до сих пор считает не родной.— Марат, что происходит?! Меня выставили на улицу твои охранники!— Шлюхам место на улице. Я подал на развод. Ушам своим не верю. Какой-то бред просто. Еще вчера утром же все было прекрасно.— Подожди, что ты говоришь такое? Я не изменяла тебе.— Я видел все фото. Результаты анализов тоже подлинные. Ты не только мне рога наставила, а еще и отпрыска нагуляла. Ни на какое имущество можешь не претендовать. Пусть тебя твой козел обхаживает. От автора: # Бывшие муж и жена. Эротика. Властный герой. Эмоции на разрыв

Екатерина Ромеро

Мой чужой муж

Глава 1

Я сижу в кресле и поглаживаю свой уже округлившийся животик пятого месяца беременности, когда дверь нашего дома открывают чужим ключом. На улице скоро потемнеет, но я точно не жду гостей. Муж должен вернуться лишь через пару часов.

В сердце что-то колет, предвещая беду. Быстро поднимаюсь и иду к входной двери, замирая от увиденного. Двое охранников мужа беспардонно открывают шкафы и собирают мои вещи в сумку, не проронив при этом ни единого слова.

– Что вы делаете? Что тут происходит?

– Марат просил передать это. И, Даша, давай быстрее, с вещами на выход. У тебя пять минут.

Охранник бросает на стол белый конверт, который я тут же поднимаю дрожащими руками. Если это какая-то шутка, то вот вообще не смешная.

Открываю конверт, и из него тут же высыпается ворох фотографий. Всматриваюсь в каждую и невольно прикрываю рот рукой... Нет, что это? На каждом фото изображена я, а рядом со мной мужчина, и это точно не мой муж.

Под фотографиями лежит какой-то документ. Не сразу

понимаю, что это вообще такое. Кажется, результаты анализов мужа. Перечитываю снова и снова заключение врача. Бесплоден. Не может иметь детей. Нервно усмехаюсь. Такого просто не может быть, ведь я ношу ребенка Марата. Господи, кто это сделал, зачем...

Непонимающе смотрю на охранников, но те лишь продолжают бесцеремонно сваливать мои вещи в сумку, разводя в доме настоящий бардак.

– Остановитесь! Кто вам приказал это все творить?!

– Приказ господина Батунова. Собирайтесь, у нас времени нет.

– Что вы себе позволяете? Не трогайте тут ничего! Это какая-то ошибка!

Бегу в спальню и хватаю телефон. Быстро набираю мужу и невольно всхлипываю в ожидании его ответа. Секунды кажутся вечностью, к горлу подкатывает тошнота. Абонент вне зоны действия.

Он отключил телефон. Выключил его первые за весь год нашей супружеской жизни и не отвечает мне... Ничего не понимаю. Этого просто не может быть. Все еще не верю в то, что происходит. Похоже на какой-то страшный сон, который мог произойти с кем угодно, но только не со мной.

В животе что-то необычно колет. Малыш впервые толкнулся. Прикладываю руку к животу, роняя слезы. Не могу поверить в то, что мой муж, с которым мы прожили вот уже год и один месяц, просто взял и выгнал меня из дома.

Меня усаживают в машину, закидывая единственную сумку с моими пожитками в багажник. На дворе уже глухая ночь, и от страха у меня стучат зубы. Невольно обнимаю свой живот, стараясь защитить малыша от всего на свете. Я еще не знаю, кто у нас будет, мальчик или девочка. Хотела сделать сюрприз мужу на следующей неделе, когда записывалась на УЗИ.

Нервно сжимаю пальцы. Это не может быть правдой. Марат бы не поступил так ни за что со мной. Я же помню, как он радовался беременности, как к доктору возил меня, живот целовал. Не верю, что все это правда. Только не он.

Двое охранников, которые еще до недавнего времени даже в глаза мне не смотрели, ведут себя предельно развязно и спокойно. В какой-то момент я понимаю, что даже не представляю, куда они везут меня.

– Куда вы едете?

– Отвезем, куда скажешь. Можем до вокзала подкинуть или до борделя ближайшего.

В машине раздается отвратительный мужской гогот, и я лишь вжимаю голову в плечи. Они точно не шутят.

В голове крутится тысяча мыслей. Сразу после университета я вышла замуж, и у меня лишь один дом, из которого меня выгнали. Куда мне идти, кто меня примет... Бабушка. Единственный оставшийся у меня родной человек. Она жи-

вет в старенькой однокомнатной квартире на окраине города.

– Березовая, 10. Туда везите.

– Как скажешь, мадам.

Доезжаем довольно быстро. Всю дорогу я непрерывно набираю мужу, но его телефон так и не был включен. Меня высаживают прямо у подъезда, небрежно бросив сумку с вещами под ноги.

Оглядываясь по сторонам. Ни души рядом. Ежусь от холода. На дворе декабрь. В карманах пусто. Кроме телефона, мне не дали взять никаких денег, да и не было их у меня. После того как узнала, что жду ребенка, практически сразу перестала работать. Муж полностью меня обеспечивал.

На глазах выступают слезы, которые практически сразу замерзают на сильном морозе. Я остаюсь совсем одна среди ночи, беременная, и даже не представляю, что теперь ждет меня впереди.

Глава 2

Не знаю, сколько времени стою на этом холоде, но прихожу в себя лишь тогда, когда в животе снова чувствую отчетливый толчок.

– Прости, малыш, уже иду.

Поднимаю сумку и бреду к квартире бабушки. Она живет на четвертом этаже пятиэтажки, поэтому даже со своим еще пока не очень большим животиком добираться мне к

ней непросто.

– Дашенька, господи, что случилось?

Бабушка скрещивает руки на груди, как только видит меня, но сил ей объяснять хоть что-то сейчас просто нет. Она очень пожилая у меня, болеет, но роднее нее у меня никого нет. Мне не к кому больше пойти. Я молча прохожу в квартиру, затаскиваю с собой эту проклятую сумку.

– Бабулечка, можно я у тебя сегодня переночую?

– Конечно, детка. Даш, что произошло-то, с мужем поссорились?

– Сама не знаю, ба, давай завтра поговорим.

– Ступай. Я постелю тебе.

Бабушка начинает копошиться и устраивать меня в своей маленькой квартире. Поит горячим ароматным чаем и укладывает спать, как маленькую. Я отчаянно набираю мужу еще несколько раз, перед тем как полностью отключиться с телефонной трубкой в руке.

Просыпаюсь от запаха сладких блинов, точно как в детстве. Быстро завтракаю, одеваюсь и еду домой, заняв у бабушки немного денег. Истошно дергаю ручку двухметровых ворот нашего загородного дома, но она закрыта. Мои ключи не подходят ни к чему, словно все замки за ночь поменяли.

Я уже на грани истерики, но стараюсь держаться из последних сил ради малыша. Это все какая-то дурацкая ошибка. Этого просто не может быть.

На часах тикает девять утра. Знаю, Марат уже давно в

офисе в это время. Это единственное место, где я могу его сейчас застать. Подъезжаю к еще недавно такому знакомому зданию, где сама проработала два года, но меня никто даже не собирается пропускать на входе.

– Я жена Марата Батунова. Позвольте пройти.

– Не велено.

– Он владелец этого здания, позвоните ему!

– Господин Батунов просил не беспокоить. Никого.

Сжимаю кулаки от досады.

– Дайте мне телефон, соедините с мужем!

Охранник тянет целую минуту, но все же передает мне телефон. Прикрываю глаза, когда слышу такой до боли родной низкий голос. Наконец-то!

– Я просил не беспокоить.

– Марат, что происходит?! Меня выставили на улицу еще вчера ночью твои охранники. Почему ты не отвечаешь на мои звонки?

– Шлюхам место на улице. Я подал вчера на развод.

В сердце что-то больно колет. Ушам своим не верю. Какой-то бред просто. Еще вчера утром же все было прекрасно.

– Подожди, что ты говоришь такое? Какая я шлюха? Я не изменяла тебе.

– Я видел все фото, сука. Результаты анализов тоже подлинные. Ты не только мне рога наставила, а еще и отпрыска нагуляла. Ни на какое имущество можешь не претендовать. Пусть тебя твой козел обхаживает.

Слышу быстрые гудки в телефоне, не веря, что все это на самом деле происходит. Он просто бросил трубку! Лихорадочно прокручиваю слова мужа в голове. Шлюха, развод, улица. Господи, он вышвырнул меня, как ненужную вещь, а я даже не знаю толком, в чем именно виновата.

Стою как дура в холле этого огромного холдинга, пытаюсь все же увидеться с Маратом, но спустя пару часов меня культурно просят на выход. Снова “не велено”.

Возвращаюсь в квартиру бабушки ни с чем и рыдаю в подушку до самого вечера. Она старается успокоить меня и нежно гладит по голове, отчего я немного расслабляюсь и проваливаюсь в тяжелый беспокойный сон. Чувствую себя настолько ужасно, что хочется рыдать в голос и выть, однако из последних сил сдерживаю себя, чтобы не пугать бабушку и не расстраивать ее.

Мне кажется, что меня кто-то избил или мое сердце просто разорвали на куски. Я чувствую эту боль на физическом уровне, а еще предательство. В один миг мое такое долгожданное счастье обрушилось как карточный домик. Тот, которого я любила всем сердцем, просто взял и вышвырнул меня, даже не поговорив толком. Он клялся оберегать меня, а сам взял и отказался, увидев какие-то снимки, в подлинности которых я сильно сомневаюсь.

К ночи у бабушки поднимается высокое давление, ее состояние резко ухудшается. В этот момент я понимаю, что просто не имею права сейчас раскисать.

Поднимаюсь и даю ей таблетки. Подаю воды. Она сама в поддержке нуждается так же, как и мой нерожденный малыш. Нельзя мне больше горевать. Пусть больно, горько и просто невыносимо, но я выживу. Назло Марату буду жить, а он пусть и дальше купается во лжи, в которую сам же и поверил.

Мое следующее утро начинается со сборов в больницу. Я была записана на УЗИ еще месяц назад, что спасает меня от непредвиденных трат. Как же долго я мечтала об этом моменте – впервые увидеть ребенка, держа мужа за руку, однако сейчас лежу одна на кушетке, нервно сжимая руками полупрозрачную пленку.

В кабинет заходит врач, молодая русоволосая женщина. Она быстро окидывает меня цепким взглядом.

– Вы одна на процедуре будете?

– Да. Одна.

– Отец имеется?

Порываюсь кивнуть, но сама одергиваю себя.

– Нет.

Какое ей вообще дело? Сжимаю кулаки. Просто выдохни.

Врач включает прибор и начинает водить датчиком по моему округлому животу. Пристально смотрит на монитор, который периодически пищит. Замираю, когда впервые слышу его. Тихое биение сердца малыша. Такое быстрое и гулкое, от которого у самой дух перехватывает. У него уже сердечко бьется, а значит, он прекрасно слышит меня и все чувствует.

– Плод развивается нормально, но тонус матки повышен. Стрессы были недавно?

– Да, но теперь все в порядке. Я буду заботиться о нем.

– О ней. Девочка у вас будет.

Улыбаюсь. Не могу сдержать слезы. Моя малышка. До-
ченька.

Врач указывает на монитор, и я впервые вижу ее. Малюсенькие ручки и ножки, носик вздернутый видно. Она шевелится внутри меня прямо сейчас! Какое-то невероятное тепло разливается по всему телу. Я уже люблю ее до безумия.

Доктор заканчивает процедуру и передает мне салфетку, чтобы вытереть гель. Осторожно убираю его и одеваюсь. На выходе она снова окликает меня.

– Витамины хоть пейте. Синяки вон уже какие. Глаза заплаканные. К нам таких, как вы, сотни приходят, и у всех нет отца. Думайте о ребенке.

– Да, конечно, я все понимаю.

На выходе из больницы закусываю губу, стараясь сдержать слезы. Ничего, малышка, мы справимся. Я никому не дам тебя обидеть. Пусть ты папе больше не нужна, но ты мне нужна. И этого достаточно.

С этого момента начинается моя новая жизнь, без Марата. Я все преодолею, ведь теперь мне есть ради кого просыпаться по утрам, и это больше точно не муж.

Я принимаю решение раз и навсегда вырвать его из своего сердца, забыть, сжечь дотла все, что было, и никогда больше

не вспоминать о нем, вот только пинающаяся девочка в моем животе не дает и шанса мне этого сделать.

Глава 3

Уже неделю как я живу вместе с бабушкой. От мужа так и не было ни единого звонка или весточки – ничего, что могло бы хоть как-то воскресить его в моем сердце. Наверное, он уже и забыл о нас так же быстро, как сменил замки в своем доме.

Я складываю вещи, когда совершенно случайно вижу сюжет о нем по телевизору. Марат Батуров, известный предприниматель и бизнесмен, сегодня открыл новый филиал холдинга. Сжимаю кулаки, когда вижу, как мой уже бывший муж обнимет какую-то высокую брюнетку, которая липнет к нему, как изголодавшаяся самка. Слезы подступают к глазам. Меня словно жгут живьем, режут сотнями ножей.

Вырываю телевизор из розетки, так и не найдя пульта. Слезы градом катятся из глаз. Как же ты мог так быстро забыть меня? Не ты ли клялся мне в любви еще неделю назад, не ты ли шептал ласковые слова нашей дочери в моем животе, целуя его и лбом своим прижимаясь...

Вовек не прощу ему этого предательства. Подлого и мерзкого. Пора забыть уже о нем раз и навсегда, навеки вырезать его из своего сердца.

Вздрагиваю, когда слышу какой-то шум на кухне. Кровь стынет в жилах от него. Словно что-то упало. Прямо на пол.

Неужто бабулечка уронила чего? Ступаю босыми ступнями по коридору.

Замираю прямо на пороге, не в силах сказать ни слова. Лишь рукой рот прикрываю в немом крике. Бабушка лежит на полу. Она совершенно не двигается. Ее глаза закрыты, словно просто уснула. Блинчики на сковороде так и продолжают жариться, обгорели все уже, из-за чего в кухне стоит густой дым.

Быстро выключаю плиту и бросаюсь к бабушке. Проверяю ее дыхание, пульс, сердце. Нет-нет, только не это... Не бьет-ся. Совсем ничего. Просто отказывается дальше стучать.

Хватаюсь за телефон и вызываю скорую, молясь только о том, чтобы бабушка жила. Врачи приезжают только спустя полчаса. Все, что они могут сделать, – констатировать смерть. Обширный инфаркт. Не было шансов.

Я стараюсь сдержать слезы, но все же срываюсь. Плачу по бабушке, как маленькая. Я провела все детство с ней. Она, как ангел, меня оберегала от всего. Все причитала до свадьбы, что сложно мне с таким мужем будет, чтоб я еще подумала, а я отнекивалась, не верила ей. Говорила, что она не понимает ничего, не знает, как любит он меня... Сильно. До гроба прямо. До костей голодных.

А теперь я сама довела ее до смерти. Со своей бедой к ней пришла, волноваться заставила, вот и не выдержало ее слабое сердечко.

Врачи дают мне какие-то капли, чтобы я успокоилась, ко-

гда замечают мой округлый живот. Беру и судорожно выпиваю эту горькую смесь, но она не делает легче, лишь помогает мне быстрее уснуть.

Я лежу у стены на кровати, обнимая свой живот и пытаюсь согреться. Дрожь в теле не покидает меня то ли от холода, то ли от истерики. В этот момент понимаю, что, кроме малышки в животе, у меня больше никого нет в этом безумном и жестоком мире. Я осталась одна и должна быть сильной. Ради нее.

На оставшиеся деньги организую бабушке похороны. Покупаю все, от гроба до венков, заказываю простенький памятник. Долго плачу над ее могилой. Не могу поверить в то, что ее больше нет рядом.

Кажется, в этот момент я окончательно прощаюсь с детством. Раз и навсегда отпускаю его вместе с сырой землей, которую бросаю на труну, покрытую инеем.

На следующий день, несмотря на боль и просто убитое состояние, иду устраиваться на работу. Мне нельзя терять время, ведь денег нет совсем, а нужно самой чем-то питаться и ребенка кормить. Витамины покупать.

В холдинге Марата я работала довольно успешно менеджером, пусть и начинающим, но у меня было место и стабильная зарплата. Благодаря этой позиции я смогу не только оплачивать счета, но и также покупать малышке все необходимое.

Из всех вещей, что охранники собрали для меня, удает-

ся найти просторную блузку, юбку и пиджак, который хорошо скрывает мой животик. Я лечу в офис, преисполненная надеждами, которые разбиваются вдребезги, когда на самом пороге мне заявляют, что моя персона тут даже рассматриваться на вакансию не может. Мне ясно дают понять, что мне тут не рады. Никто меня здесь не ждет.

У входа в офис нервно набираю всем коллегам, партнерам, просто знакомым и хоть кому-то, кто потенциально мне может помочь, но в ответ слышу один и тот же ответ. Никто не хочет иметь со мной дело, все словно чего-то боятся или в один миг забыли о моем существовании. Горько усмехаюсь сквозь слезы, когда понимаю, что Марат своей влиятельностью перекрыл мне воздух и здесь.

В кармане остаются каких-то сто рублей, и я совсем не знаю, что мне делать дальше. Сегодня я ничего не ела, так как просто не на что было купить еды.

Лихорадочно заставляю себя думать. Что делать, куда идти? Быстро смахиваю слезы. Нельзя мне жалеть себя, ведь он только этого и ждет. Что приползу к нему на коленях, прощения буду просить, умолять помочь. А я не буду. Мне не за что просить прощения! Лучше на трех работах буду работать, но в жизни не пойду к Марату.

Смотрю на свои дрожащие на морозе руки. Взгляд невольно падает на золотое обручальное кольцо. Тоненькое и невероятно красивое. Еще недавно оно мне так нравилось. Быстро снимаю его с красных промерзших пальцев и хочу со всей

дури отшвырнуть от себя, но вовремя спохватываюсь. Глупая. За него получу деньги. Хоть что-то.

Вырученной суммы от кольца хватает совсем не на многое. Мне удастся лишь купить подержанную кроватку для малышки, немного еды и витамины. Деньги дают как лед, и я понимаю, что без работы мне точно не обойтись. Не время теперь перебирать, устроюсь туда, куда примут.

С каждым днем мой живот становится все больше, и я просто не имею права сложить руки. Я нанимаюсь обычной посудомойкой в одном из ресторанов города, а по утрам убираю в отеле. Этих денег едва хватает, чтобы содержать квартиру и питаться, покупать назначенные витамины.

Я стараюсь экономить изо всех сил, чтобы максимально много отложить на роды и период после них, так как понимаю, что никто мне не поможет в этот трудный период. Я буду совсем одна. Без поддержки.

Все мои дни проходят в работе, однако по ночам я даю волю слезам. Не могу сдержать свою боль, которая царапает мое сердце острой иглой. За эти месяцы я так и не узнала правду, да и кому она теперь нужна.

Марат так легко поверил в мою измену, озлобился, возненавидел меня, так же как и я его, за предательство. Значит, он и не любил меня вовсе. Никогда ничего не чувствовал ко мне, а я просто дура последняя. Как же я могла не видеть ничего и согласиться выйти за него, пустить его в свое сердце?

Из-за постоянной занятости и попыток выжить я даже не

сразу замечаю, как изменилось мое тело от беременности. Лишь в один из вечеров, смотря прямо в зеркало, начинаю плакать. Никогда не была настолько плаксивой и теперь уже не понимаю, то ли это от гормонов, то ли от горя, которое свалилось на мою голову за последнее время.

Внимательно разглядываю себя. Я ничуть не поправилась, кажется, наоборот, лишь похудела. Мой живот лишь стал круглее и еще более заметен. Скрывать его под рабочим фартуком уже практически нереально, и я даже не представляю, что будет, если мой работодатель узнает об этом. Он выгонит меня в ту же минуту.

Осторожно прикасаюсь к груди. Она стала больше и круглее, налилась вся, соски до невозможности чувствительные, тронуть даже невозможно. Мой старый бюстгальтер теперь мне маловат и неприятно сдавливает грудь. Не могу пока купить себе другой, побольше, просто денег не хватит. Придется выбирать: или бюстгальтер, или новая пачка витаминов. Даже не раздумывая, выбираю второе. Малышка важнее. Я перешью его в этот же вечер. Подгоню под новые формы. Нестрашно. Бабушка научила меня шить, вот и пригодится навык.

Смеюсь про себя. Марат бы мог мечтать о такой моей груди, целовать ее, ласкать. Я была вся для него и ему. Любила сильно просто, бабочки были в животе каждый раз, когда касался меня, а сейчас лишь пепел от них остался. Сгорели они все на хрен, он сам их сжег дотла, воздух перекрыл, жи-

выми убил. Жестоко и без шанса на спасение.

На работе мне никто не дает поблажек, да и не жду я их. От усталости практически каждый вечер просто валюсь с ног, но помощи мне ждать просто больше не от кого. Как бы я ни хотела казаться сильной, беременность и постоянный стресс дают о себе знать.

Последние недели я практически не сплю. Меня почему-то мучают поздний токсикоз и усталость. Это сказывается и на работе, из-за чего я получаю последнее предупреждение. Если так медленно и дальше буду работать, вылечу как пробка из ресторана. Эти слова начальника глубоко врезаются в память, заставляя переживать еще больше.

В одну из трудных ночей я просыпаюсь оттого, что мои ноги мокрые и я уже замерзла от этого. Быстро включаю свет и не могу сдержать слезы. У меня воды отошли. Только не это. Еще же так рано...

Хватаю уже заранее приготовленную сумку и трясущимися руками звоню в скорую помощь. Запинаюсь, когда называю адрес. Нет, не дома я, это квартира бабушки, и адрес другой. Кажется, что от шока я забыла все на свете, только через полминуты вспоминаю, где я сейчас нахожусь.

Чувствую тянущую боль в животе и скручивающие спазмы, от которых едва искры из глаз не сыпятся. Кажется, это и есть схватки. Мне невероятно больно. Я сижу на кровати и не могу с места сдвинуться, пока очередная схватка не отпустит меня.

С ужасом сжимаю простыню руками, стараясь дышать. Перед глазами темнеет, и от этого я начинаю паниковать еще больше. Это моя первая беременность, и я понятия не имею, что нужно делать. Возле меня никого нет, и я изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие, чтобы просто не потерять сознание. Думай о доченьке. О ней лишь.

Не знаю, сколько проходит времени, но врачи ко мне все же приезжают. От жуткой боли я едва доползаю до двери, чтобы открыть им. Они сразу же укладывают меня на носилки и увозят в родильное отделение.

Я знала, что роды не бывают простыми никогда, но даже не представляла, что это настолько больно. Мои схватки длятся восемь часов, и кажется, что большей боли я в жизни никогда не чувствовала.

Рождение ребенка дается мне очень трудно, но я слушаюсь врачей и делаю все для того, чтобы доченька испытывала минимум мук при появлении на свет.

Не могу сдержать слезы, когда девочку впервые кладут мне на грудь. Она просто крошечная, и еще ей трудно дышать. Волосики густые, темненькие, носик вздернутый, глазки красивые... точно как у отца.

По щеке стекает слеза, когда впервые целую ее. Моя крошка, родная доченька. Только моя.

— Маленькая моя радость. Я все сделаю для тебя. Обещаю.

Целую сморщенное розовое личико и ручки дочки, к себе прижимаю, стараясь дать ей больше тепла. Позже я узнаю,

что она даже двух килограмм не весит. Недоношенная. Мое тело все же не выдержало стресса.

Я называю доченьку Полинкой. Она рождается очень маленькой и слабенькой, семимесячной. Дороже этой крошки в моей жизни теперь никого не будет. Мне точно есть ради кого жить и бороться дальше назло всему миру – и одному человеку в особенности.

Глава 4

Целый месяц Полянка лежит в реанимации в специальной колбе, где ее согревают и помогают дышать. Хотя я и в государственной клинике с ней, все лекарства и процедуры безумно дорогие, поэтому в день выписки я буквально остаюсь с пустыми карманами. На последние копейки вызываю такси, чтобы забрать малышку домой.

В первую же ночь из части своей одежды шью ей ползунки. Из старых простыней бабушки мастерю пеленки, маленькое одеяло. Да, это все не новое, но хоть что-то. На первое время сгодится.

Даже спустя месяц после рождения доченька очень маленькая и сейчас весит лишь два с половиной килограмма. Мне придется ох как постараться, чтобы она быстро набрала вес.

Заставляю себя пить много жидкости, так как моего молока критически не хватает Поле, чтобы нормально питаться. Она плохо спит, поэтому уже через неделю я просто из-

матываю себя и однажды просто рыдаю в подушку, не в силах подняться и снова покормить ее.

Когда малышка затихает, я пулей лечу к ней. Не знаю, чего боюсь, что что-то упустила, что не подошла вовремя. Корю себя как только можно.

– Полинка, маленькая моя. Ты голодна? Сейчас, малыш. Мама здесь.

Прикладываю дочку к груди. У меня вообще нет опыта в этом, поэтому действую чисто инстинктивно. Придерживаю ее маленькую головку, к себе направляю. Она, как котенок, прижимается ко мне, ручкой маленькой помогает получать из налитой груди молоко, которого ей явно мало. Сладкая моя.

Покормив Полинку, впервые за семь дней решаюсь выйти из дома. Нужно купить хоть что-то из еды. Молока, хлеба, круп. Быстро смахиваю слезы. В такой критической ситуации я еще никогда не была. Даже когда с бабушкой в детстве жила и нам часто не хватало на еду, до такого еще не скатывалась.

На выходе из подъезда даже не сразу замечаю, как меня кто-то окликает. Я вся в своих мыслях и, кажется, даже не сразу ориентируюсь, что уже наступил новый год. Звонкий голос заставляет меня остановиться и поднять голову:

– Даша! Даша, это ты?

Оглядываюсь по сторонам. Находясь глубоко в своих мыслях, не могу понять, откуда доноситься голос, пока не вижу

кудрявую светлую голову и несущиеся прямо на меня объятия.

– Таня...

Ошарашенно обнимаю ее. Подруга моя давняя. Вот только не виделись мы с ней лет восемь уже. Еще со средней школы, когда она к отцу переезжала. Вернулась, что ли...

– Господи, Дашуля, сто лет тебя не видела!

– Привет, Тань.

Таня выглядит просто отменно. Как же похорошела за эти годы. В детстве пухленькой была, часто обзывали ее, а теперь настоящая красавица стала. Умница.

– Милая, пошли ко мне, расскажешь, как ты..

– Извини, Танюш, у меня ребенок дома один. Но можешь ко мне зайти вечером. Мне сейчас в магазин надо.

Она кивает, и мы не прощаемся. Быстро покупаю еду, на которую хватает денег. Я сдала свои золотые сережки пару дней назад и долго плакала потом. Нет, не из-за них, а из-за того, что за них так мало заплатили. Мне хватило лишь на половину из всего того, что нужно было купить Поле.

Таня приходит вечером и сразу же заваливает меня вопросами, на которые у меня нет ответов. Она не может сдержать слезы, когда слышит про бабушку. Тоже ее знала с детства.

Когда же про Полинку узнает и впервые видит ее, радуется как ребенок. Играет с ней, качает на руках.

– Дашуль, а что же муж? Совсем не помогает?

Сжимаюсь вся. Любое напоминание о Марате больно ре-

жет где-то в груди.

– Объялся груш, Тань. На развод подал еще до рождения Поли.

– Вот же скотина! Дай мне его номер, я сама ему башку откручу за это. Ты посмотри, такую крошку оставить. Такую сладкую и хорошенькую. Это надо совсем уж быть безголовым.

– Не признал он ее. Не нужны мы ему были, а теперь и он нам тоже. Сами справимся.

Полинка начинает плакать, и я беру ее на руки.

– Даш, что делать думаешь? Деньги-то есть у тебя?

Мотаю лишь головой, и Таня все сразу понимает.

– На работу пойду. Вот только дочку не с кем оставить. Слишком маленькая еще.

Зависает пауза. Таня допивает чай и кладет мне руку на плечо. От этого жеста хочется еще больше рыдать.

– Даш, а если я с Полиной буду сидеть? Могу по паре часов в день. Знаю, это немного, но у меня учеба и свадьба на носу... Еще пару часов, думаю, моя мама сможет побыть. Не каждый день, но иногда точно. Ну, в общем, как? Согласна?

Не верю своим ушам. Такой помощи я точно не ожидала.

– Тань... Ты уверена? Это непросто.

– Уверена. Меня после твоей истории до сих пор вон мурашки кусают. Мы ж подруги. Ты это, завтра устраивайся на работу. Будем как-то совмещать, пока Полина не подрастет.

Обнимаю ее, не могу сдержаться. В следующие несколь-

ко месяцев Таня станет для меня отличной помощницей и временами даже психологом, когда я буду валиться с ног от усталости и выть по вечерам.

Мое нынешнее расписание скорее напоминает солдатский режим. Я работаю на двух работах и пару раз в неделю беру третью подработку. В таком темпе удастся накопить на коляску для Поли, одежду, обувь и даже пару игрушек. Малышка все еще отстаёт в весе, но я делаю все, что могу, чтобы она набирала его и нормально развивалась.

Доченька с каждым днем становится все больше, изучает новое, узнает мир. Даже не знаю, что она переняла от меня, так как в ее чертах отчетливо прослеживаю Марата. Вот он, в глазах ее сереньких, в улыбке этой сладкой. Моя она, никому не отдам.

Полинке исполняется шесть месяцев, когда я в очередной раз везу ее к педиатру. Уже на обратном пути мы проезжаем мимо какого-то ресторана, и у входа я вижу его. Мой бывший муж собственной персоной. Все с той же брюнеткой, с которой я видела его в прошлый раз. Подтянут, одет блистательно, туфли дорогие сверкают, начищены. На лице сияет фирменная улыбка.

Он нежно держит за руку свою спутницу, а у меня сердце разрывается пополам.

– Езжайте быстрее, пожалуйста! – кричу водителю из последних сил, роняя лицо на руки. Поля начинает плакать, чувствуя мое состояние. Прижимаю ее крепче к себе. Про-

сти, малыш, какая же я слабая. И глупая.

Уже дома из новостей по телевизору я узнаю, что Марат женился снова. Он счастливо женат, нашел свою половинку, а я... выть хочу от этого. Не знаю, что со мной, просто мне больно все это видеть. Как обнимает он ее, как целует и по ресторанам возит, когда его дочери на пеленки не хватает... В сердце слова пылают что-то, до углей догорает, забирая все живое. Неважно. Обещала же сама себе забыть его, вырезать навсегда. Ну же, забудь, Даша, просто забудь... Проклятье.

Даже не знаю, почему до сих пор так реагирую на все это, но из-за стресса у меня окончательно пропадает молоко, что делает кормление дочки невозможным без дорогих смесей. Приходится урезать бюджет еще сильнее, ведь покупка всех этих порошков отнимает у меня без малого одну мою зарплату.

Благо мне самой теперь питаться хорошо для молока не надо, поэтому я могу здорово экономить на этом.

В какой-то момент наступает кризис, и я все больше склоняюсь к тому, чтобы увидеться с Маратом. Я точно знаю, стоит мне лишь попросить его, унизиться, он даст мне денег хотя бы на несколько недель.

В один из особо тяжелых дней все же не выдерживаю и иду к нему сама. Что-то тянет меня к нему, наверное, дурацкая женская глупость.

Я стою в двухстах метрах от его офиса и вижу, как он заходит в машину, не замечая меня. На улице идет дождь, и я

вся промокла до нитки, но гордость не позволяет сделать в его сторону ни шагу. Я сама справлюсь. Он не сломает меня никогда.

Быстро разворачиваюсь и иду в обратную сторону. У меня нет денег больше на такси или транспорт, поэтому дохожу до дома пешком, пройдя пару десятков километров. Болею еще пару недель после этого, коря себя за глупость и слабость.

Как только становится чуть лучше, устраиваюсь на третью работу. Благодаря ей могу нанять полноценную няню для Полилки, так как Таня вышла замуж и сама уже ждет малыша.

Мне до невозможного трудно, однако я уже когда-то пообещала не сдаваться. Няня здорово выручает и даже помогает готовить еду, когда после десятичасовой смены я устало падаю на кровать, не в силах еще что-то делать. Лишь к дочке прижимаюсь, целую ее и обнимаю. Скучаю безумно по ней каждую минуту, когда вынуждена на работе быть и оставлять такую малышку в чужих руках няни.

Так проходит три с половиной года. Полилка подрастает, учится ходить и немного говорит уже даже. Понимает абсолютно все. Мне тоже становится немного проще, когда дочка становится более самостоятельно и не требует моего внимания круглые сутки. Она словно все понимает и даже сама помогает, родная моя девочка.

Постепенно я обустроиваю нашу квартиру. Делаю небольшой ремонт, обставляю место для Поли, кровать и неболь-

шой столик. Ей в садик уже скоро.

Я забочусь о доченьке ровно до того момента, когда однажды на работе не получаю звонок, от которого кровь стынет в жилах.

Неожиданный звонок в вечернюю смену заставляет мое сердце сжаться от ужаса. Я знаю, что няня будет набирать только в крайнем случае, которого... еще никогда не было.

– Слушаю.

– Даш... Полинке плохо стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.